

Светлана Саврасова

С ЧУЖОГО НА СВОЙ И ОБРАТНО

ЗАПИСКИ ПЕРЕВОДЧИЦЫ АНГЛИЙСКОЙ ПОЛИЦИИ

Серия «Где наши не пропали»

Автор книги много лет помогала выходцам из Восточной Европы находить общий язык с британской полицией. Это трудная задача — ведь речь идет не просто о переводах с русского, польского, украинского или сербско-хорватского. Растолковывать приходилось — причем обеим сторонам — всю грамматику чужой жизни. «Тем, кто собрался выезжать, — читать как инструкцию, тем, кто остается, — читать для развлечения, и еще какого!» (Патриция Роговска, Лондон). Русский перевод своей книги, написанной по-польски, Светлана Саврасова сдала в издательство между двумя курсами химиотерапии. И умерла в день отправки книги в типографию. Светлая память.

СВЕТЛАНА САВРАСОВА

С ЧУЖОГО НА СВОЙ И ОБРАТНО

ЗАПИСКИ ПЕРЕВОДЧИЦЫ
АНГЛИЙСКОЙ ПОЛИЦИИ

москва 2014

1. И вот сижу я на скамье подсудимых в Коронном суде Борнмута. На другом конце сидит охранник, а рядом со мной — Артур Б., который обвиняется в насильственных действиях сексуального характера...

— Дерьмо у них, а не доказательства, — радостно комментирует Артур показания свидетелей, записи телекамеры наружного наблюдения и даже заявления собственного адвоката. — Ее честное пионерское против моего харцерского. Треп, делов-то. Точка.

Но, конечно, это не точка, только запятая или скорее даже двоеточие перед пояснением:

— Курва в мундире! Надо же. Пьяная. Еще и с розовым вибратором в сумке.

Я не хочу это слушать, не хочу тут находиться, не хочу даже телепатически кричать: «Дорогой мой! Ты прав — это честное пионерское 20-летней выпускницы средней школы, возвращавшейся с костюмированной вечеринки. Она хотя и была в драбадан и с трудом держалась на ногах, но ни разу не перешла улицу на красный свет. А твое честное харцерское — слово грабителя, который отсидел пять лет в Польше и за полтора года, проведенных в Англии, уже умудрился лишиться прав за вождение в пьяном виде; пытался не заплатить таксисту, за что был обвинен в мошенничестве; не реагировал на повестки из суда и не соблюдал условий освобождения на время следствия, не говоря уже о ворохе неоплаченных штрафов за парковку в непопозволенном месте.

Похоже, этот мой внутренний монолог каким-то образом оказался услышан Артуром, потому что он замолчал и замер.

Странно, мы оба уставились в окно слева от нас, над скамьей для присяжных. Смотрим на небо за окном. На тучи на этом небе. На солнце за этими тучами.

Завтра коронный цирк кончится, и я буду свободна! Присяжные должны вынести свой вердикт сегодня после обеда.

— Завтра, когда этот цирк кончится, я пойду за грибами! — решительно, как экстрасенс на сеансе массового исцеления, говорит Артур. Он уже показывал мне обратный билет из Борнмута в родной город Веймут. — С понедельника дождь каждый день лил, а сейчас такая жара. Я место знаю, моховики и красноголовки!

— Я тоже пойду в лес, — говорю я. — Я тоже место знаю.

— Не забудьте взять полотенце! — вежливо напоминает мне неудавшийся насильник. В его устах это звучит как-то

мерзко. Тело вспоминает понятия «мерзость», «отвращение» и «тошнота».

— Спасибо, — с трудом выговариваю я.

На самом деле Артур дает мне хороший совет. При собирании грибов в Англии полотенце весьма необходимо.

Ну, может быть, для насильника как-то по-особому.

Но с полотенцем по грибы — это местный колорит.

2. Вот я и в лесу. Артурчик остался в заключении. Просоветовавшись четыре часа, присяжные единогласно вынесли вердикт: «Виновен».

Перед вынесением приговора судья запросил доклад офиса судебного куратора. Это учреждение прислало для беседы с Артуром немолодую женщину с большой анкетой в руках, и в течение двух часов та задавала ему вопросы типа:

— Являетесь ли вы алкоголиком? А если да, то хотели бы вы освободиться от алкогольной зависимости?

Ну скажите, в представлении человека, воспитанного на идее принудительного лечения от зеленого змия, какой алкоголик признается в том, что он не может не пить?! А? А здесь признаются. И только у таких есть шанс на бесплатное лечение. Специалисты по ресоциализации считать умеют, за принудилровку платить не будут.

Пожилая кураторша будет задавать свои вопросы, записывать ответы и — об этом Артур и не подумает — наблюдать за его реакцией: что вызвало у него раздражение? когда он запнулся? когда начал юлить и хихикать? когда замер и задумался? А потом с изумительной точностью подытожит свои заметки: подсудимый утверждает, что пьет по случаю, но не упоминает о том, что сам ищет такого случая; любой вопрос об отношениях между мужчинами и женщинами вызывает у него несоразмерное возмущение; он избегает вопросов на тему наркотиков и предпочитает возмутиться предположением, что у него может быть пивная зависимость.

Целью такого интервью является оказание помощи судье в выборе надлежащей кары из широкого диапазона наказаний, предусмотренных за совершение данного преступления. Это может быть восемнадцать месяцев тюремного заключения, а может и четыре года. Может быть в тюрьме строгого режима, а может — в исправительном учреждении открытого типа. Возможно даже лишение свободы с отсрочкой исполнения приговора. Только не в случае Артура. От решения судьи зависит, выдадут ли распоряжение о его высылке с территории Соединенного Королевства и пожизненном запрете на въезд в страну. Или только о запрете на въезд до апелляции в консульство. Десятки вариантов. Кураторша позвонит завтра, так что сегодня мне даже не нужно включать сотовый.

Лес — влажный и теплый, он пахнет детством и отцом, научившим меня собирать грибы. Интересно, если бы он был сейчас со мной, как бы он среагировал на то, что вместо

плетеной корзинки я взяла сумку с рекламой Western Union и это дурацкое полотенце. А полотенце нужно для того, чтобы при виде другого грибника, собачника или еще кого-нибудь сразу же завернуть в него нож. Лучше всего еще до установления визуального контакта и обязательного *How do you do?*. В общественных местах можно иметь при себе острые предметы длиной не более трех с четвертью дюймов, то есть восьми с половиной сантиметров. И с чем-то таким идти за моховиками или приличными подберезовиками? Мы предпочитаем ходить в лес с тесаками! Ведь иногда надо и палку острогать, хлеба накусочить, ветчины наломать. А здесь у каждого телефон наготове. «Эта иностранка с ножом — что она там копается под кустом? Что это за подозрительные останки под березой, напоминающие выбеленные дождем кости? Что у нее в той сумке? Что она делает в этом лесу без собаки и без улыбки на лице? Позвоним-ка в полицию. На всякий случай». Чего ожидать от общества, которому собирать грибы запретили еще в пятнадцатом веке после того, как одна королева умерла, отравившись мухоморами? А может быть, белыми грибами, приправленными цианистым калием?

Словом, без полотенца в английском лесу у тебя есть шанс нарваться на приключение и попасть в следственный изолятор за владение холодным оружием и «агрессивный», то бишь иностранный, акцент.

Если что-то рядом зашелестит, прячь нож в полотенце, изображай улыбку и наисладчайшим тоном говори: *How do u do? Looks like rain today, d'you think?*

Вот я и играю с этим ножом в прятки. Интересно, решился ли Артур на «сегрегацию» — на специальный блок тюрьмы для насильников, доносчиков и прочих тщательно охраняемых заключенных, которым грозит специфическое правосудие по уголовным обычаям? Ведь если он будет строить из себя героя и упорно твердить: «Я невиновен, это присяжные меня засудили», он рискует подвергнуть свое мужское хозяйство гораздо более тяжкому испытанию, чем то, которое выпало переодетой в полицейский мундир девушке с розовым вибратором.

Что-то я никак не могу отойти от работы, даже в лесу. Не отпускает она меня к отцу. Ощущаю только влагу, запахи, эхо, слабое прикосновение воспоминаний. Но нет связи с детством... И поэтому меня не удивляет вибрация правой ягодицы. Эта связь есть — звонит полиция.

— Констебль Трейси Кембридж, — слышу я в трубке.

3. Констебль Трейси Кембридж вызывает меня в участок по делу об изнасиловании — в пятнадцати милях от единственного моховика, нарисовавшегося вдруг под березой напротив. Похоже, мой телефон оснащен таким GPS-навигатором, который позволяет найти даже этот гриб в разделе «Местные достопримечательности». Я почти с облегчением покидаю этот неродной лес. Являюсь в участок в Солсбери, в котором горько плачет молодая красивая девушка — полька Марыся.

— Групповое изнасилование, — сообщает Трейси.

Вот так! Жизнь идет в шахматном порядке: то две недели одни мордобития, то банальные кражи в магазинах, а сейчас пришла очередь насильственных преступлений сексуального характера. Не выношу таких дел. Это весьма небезопасная область для переводчиков и вообще для всех участников следствия: приходится переводить подробности каких-то неопишуемых социально-сексуальных расстройств. В социологии и психологии об этом тихо. Только мой польский муж, на четверть джазовый музыкант и на остальные три четверти алкоголик, когда-то поделился наблюдением по теме, сказав, что не может играть после просмотра порнографии — что-то странное происходит с чувством ритма и гармонии. Я была на паре его концертов и подозреваю, что перед каждым выступлением он посматривал порно в интернете или, по крайней мере, полистывал журнальчики.

И еще одна опасность. Когда на родной английской земле родная английская девушка становится жертвой сексуального насилия со стороны иностранца, такая ситуация невыносима для местного общества! Из всех гробов на всех кладбищах встают тени выдающихся национальных донжуанов, хоть их совсем немного (говорят, самая короткая книга на свете — это каталог хороших английских любовников), и будоражат живых самцов заголовками местных газет:

**ЗАХОТЕЛОСЬ НАШИХ ЖЕНЩИН, НАГЛЫЙ
ПРИШЕЛЕЦ?
ХОЧЕШЬ ИСПОГАНИТЬ НАШИ ГЕНЫ, ЧУЖЕЗЕМНАЯ
СВОЛОЧЬ?!!!**

И начинается слепая и безжалостная защита своего вида. Домашние муравьи против лесных. Даже переводчица этой «чужеземной сволочи» немедленно становится подозрительной особой: ну скажите, какая нормальная женщина согласится находиться в обществе такого

омерзительного типа да еще помогать ему, когда он вертится как уж на сковородке, стремясь уйти от возмездия?

Вроде так... Но когда в прошлом году я три недели просидела без единого вызова, то рванула на очередное изнасилование со скоростью курьерского. В конце концов, разбирательства этих преступлений — часть моего заработка, так что приходится приучать себя не реагировать на всякую мерзость: берешь себя в руки, потом ноги в руки — и вперед!

Но сейчас у нас обратная ситуация — наша польская девушка стала жертвой местных насильников.

В специальном помещении с огромными креслами, в которых можно впасть в зимнюю спячку, включается видеозапись заявления жертвы преступления на сексуальной почве. Установленная в углу под потолком камера видит «рыбьим глазом» всю комнату — Марысю, утонувшую в мягком кресле, меня в таком же кресле справа от рыдающей девушки и Трейси, устроившуюся на диване.

Вначале мы представляемся. Марыся подтверждает дату своего рождения. Трейси указывает день недели, число, время начала беседы по своим часам (ибо даже показания этих часов по требованию адвоката обвиняемых могут быть оспорены, а сами часы изъяты, проверены и, в конце концов, приобщены к материалам следствия), географически-административное расположение места событий, после чего следует предупреждение об уголовной ответственности за дачу ложных показаний.

Наконец начинаем говорить о сути дела — прискорбных событиях прошлой ночи. О пятерых молодых, симпатичных и веселых солдатах британской армии, выглядевших очень подтянутыми и опрятными и предложивших Марысе выпить с ними. Однако девушка решительно отказалась, сказав им «Нет, спасибо».

В итоге она все-таки выпила рюмочку, но за свои. Она зарабатывает да и гордость свою имеет. Ну, солдаты отстали с выпивкой и смешками, после чего с надлежащим уважением и плохо скрываемым обожанием установили с Марысей вербальный контакт. Завязалась дружеская беседа — они расспрашивали о Польше, о ее традициях и обычаях, интересовались кухней, говорили о мужской и молодежной моде, тенденциях в обществе, вере, уроках религии, паломничестве к святым местам. Танцевали, не лапая, по крайней мере вначале... Прямо джентльмены.

Трейси преисполнена доброжелательности и спокойствия. После того как Марыся вспоминает, что солдаты были из

ближайшей танковой части и одного капрала из них вроде звали Джеймс Гетли, констебль вдруг предпринимает необычный шаг в практике расследований — объявляет перерыв. Не понимаю почему, ведь Марыся хочет говорить дальше!

Правила проведения допросов просты и логичны: информация должна быть собрана как можно быстрее. Особенно улики для судебных экспертов. Это как у врачей скорой помощи: первый час после приступа или несчастного случая — самый главный, потому что именно в этот промежуток времени есть наибольшие шансы на спасение пациента.

У нас дело о групповом изнасиловании, а Трейси прервала допрос сразу же после оглашения первого имени. Что, ж я уже давно не ставлю под вопрос действия коллег. Это они детективы, а не я.

Трейси хочет, чтобы я поехала с ней. Это необычно. Как правило, переводчика оставляют с потерпевшими, чтобы немного утешить их, дав возможность просто поговорить на родном языке. Правда, нам запрещается разговаривать на темы, связанные с преступлением, но ведь Трейси знает меня уже несколько лет. Неужели она сомневается в необходимости моих услуг?..

Мы оставляем Марысю под опекой констебля Греты Финсруд, некрасивой и умной норвежской няньки. Она когда-то приехала сюда на студенческие каникулы, устроилась работать нянькой в семье с двумя детьми. И осталась в Англии навсегда, потому что «погода тут хорошая, даже в январе ясное небо». Когда мать вышеуказанных детей застучала ее со своим мужем, норвежка потеряла работу, но, тем не менее, навсегда осталась нянькой — такой уж у нее характер. А в британской полиции на таких людей большой спрос с 1979 года, когда правительство постановило, что задача полиции заключается в том, чтобы прежде всего помогать гражданам, а только потом — преследовать и карать. Бывает, совершит некий джентльмен какой-нибудь не слишком красивый поступок, его берут с поличным и вместо наказания читают лекцию с полным изложением норм права и морали, а вместо штрафа получает он улыбку и наилучшие пожелания. Как ни странно, это часто бывает эффективным: когда нет агрессивного отпора со стороны власти, сами эксцессы не дают такого адреналина.

Грета посвятила всю свою жизнь норвежскому менеджеру по кризисным ситуациям. Не мне одной кажется, что этот тип

является самовоспроизводящимся кризисом. Иногда, в перерывах между битвами по героическому разруливанию этих самых кризисов, он приезжает в Веймут. Тогда Грета выглядит настолько глуповато-счастливой, что суперинтендант, не моргнув глазом, подписывает ее заявление на отпуск на неопределенный срок. Через неделю Грета возвращается на работу, похудевшая, похорошевшая, контуженная любовью. Кое-кто даже говорит, что на самом деле она ложится в дурдом на профилактическое лечение. Еще есть версия, что она уезжает в Хургаду в групповой сектур. В остальное же время она является воплощением Флоренс Найтингейл или там Эмилии Платер, хоть к ране ее прикладывай. Так что Марыся остается в хороших руках.

Капрал Джеймс Гетли неторопливо является на вызов дежурного по части. Он спокоен, жизнерадостен, выглядит вполне обыкновенно и не проявляет чрезмерного почтения к властям и женщинам — представительницам этих властей.

— Насколько я понимаю, капрал, вчера вы неплохо развлеклись.

— Так точно, констебль, — соглашается Джеймс.

— И я полагаю, что у вас есть согласие девушки, записанное на видео? — спрашивает Трейси.

— Ясное дело, — подтверждает Джеймс. Он достает из кармана «Samsung» новейшей модели, нажимает нужные кнопки, и мы видим симпатичную мордашку Марыси.

— Я добровольно, бесплатно и охотно, — с энтузиазмом говорит видео-Марыся на неплохом английском, — соглашаюсь вступить в половую связь с капралом Джеймсом Гетли и его четырьмя друзьями. Обычным образом, в жопу и в рот. Нормально?

— Все имена давай, — говорит закадровый голос.

— Есть, — пищит Марыся и, запинаясь, читает нацарапанные на пачке «Мальборо Лайт» имена и звания товарищей Джеймса.

— Теперь дату, — следует очередная инструкция.

Марыся делает глоток из рюмки и называет вчерашнее число, а также время на своих часах.

— О'кей, — говорит Трейси. — Всего наилучшего, капрал.

— Взаимно! Да, констебль, я, кажется, одолжил той польке свой телефон, так вы ей об этом напомните. Мы тут скинулись по десятке на подарки ее бедным родственникам. Пусть приходит вечером в паб, там обо всем и договоримся.

— А это тогда чей телефон? — показывает Трейси на «Samsung».

— Это нашего лейтенанта. Он нам велит выслать ему запись с согласием до того, как штаны снимешь. А то девушки так ловко воруют эти телефоны, просто ужас какой-то!

Мы возвращаемся в участок. Марыся играет с Гретой в шашки. Увидев нас, они соглашаются на почетную ничью. Марыся несколько помрачнела. Ей, наверное, хотелось бы выиграть.

Грета выходит в соседнюю комнату и включает запись — загорается зеленый индикатор под рыбьим глазом камеры.

— Марыся, Джеймс показал нам запись, на которой ты вчера согласилась вступить в связь с пятью солдатами, — побытовому спокойно говорит Трейси.

— Да не может такого быть! — Марыся явно шокирована. — Тот телефон у меня дома...

— Именно! — говорит Трейси. — Гетли толком не уверен, то ли он его потерял, то ли у него его украли, то ли он его тебе одолжил. Я так полагаю, что одолжил, и что сегодня вечером ты его хозяину вернешь. Он будет ждать в «Красном Льве». Смотри, а то мне придется тебя арестовать.

— Понятно, — говорит Марыся. — Я могу идти?

— Да, — отвечает Трейси. — На первый раз достаточно.

Я заполняю свою форму. Трейси подписывает ее и делает для меня ксерокопию. Оригинал помещается в папку «Внутренняя корреспонденция». Грета уговаривает нас выпить кофе. Я отказываюсь.

Еду домой. Очищаю от игл и мха, грязи и песка свои английские грибы и бросаю их на сковородку. На душе у меня грусть. От этой сегодняшней реальности. И от сегодняшних солдат. И от сегодняшней Марыси. По правде говоря, я никогда не испытывала особых чувств к людям в форме или особого почтения к армии, не важно какой страны. В нашей семье не отмечают даже День советской армии, хотя отец был офицером и армия была всей его жизнью. Мы его даже похоронили в парадном мундире летчика. Он умер от редкого новообразования, первым из пятерки боевых друзей. Они служили в Польше в одной части. Видимо, где-то там облучились.

Я приправляю грибы луком и солью. Пробую. И выбрасываю их в мусорное ведро. Какие-то странные эти грибы. И я себя как-то странно чувствую. Может быть, дело в здешних грибах — все-таки это не наши.

И не только грибы — здешние, но не наши.

4. Я еду в Лондон, чтобы увидеться с сыном! Всегда сажусь в последний вагон. Большинство пассажиров избегает первых и последних вагонов, а то вдруг какой-нибудь сбившийся с пути локомотив ударит в хвост поезда или произойдет лобовое столкновение! Все верно. Но с другой стороны, опасность железнодорожной катастрофы в двести пятьдесят семь раз меньше, чем автомобильной аварии. Интересно, сколько пассажиров из этих соображений отказались от такси и пришли на вокзал пешком? Впрочем, половина всех дорожно-транспортных происшествий происходит, как известно, с участием пешеходов, то есть, может быть, как раз тех героических пассажиров поездов, которые, запыхавшись, бежали с чемоданом на вокзал, отказавшись от услуг гроба на колесах под названием «такси».

Чтобы побудить пассажиров пользоваться последними вагонами, администрация железнодорожной линии South-West Trains установила розетки с нижней стороны столиков — благодаря этому владельцы ноутбуков могут выполнять просроченные домашние задания, обрабатывать фотографии, играть в трехмерный тетрис (черт бы его побрал!), слушать в крохотных наушниках размером с драже «M&M» свои любимые mp3, разрабатывать маркетинговые планы по захвату глобального рынка, придумывать новые достоинства для своего виртуального профиля на сайте для одиноких сердец и похотливых тел, писать жалобы директорам банков по поводу малой прибыльности вкладов и большой стоимости банковских операций ну и так далее — в общем, просто жить.

На розетке наклейка: PLUG SOCKET FOR LAPTOP BATTERY CHARGERS ONLY, то есть «Только для зарядных устройств ноутбуков». Как бы не так! А телефоны? Кто их будет дома заряжать, если здесь можно задаром? А что билеты снова подорожали, так они всегда по весне дорожают. Ну и получается, что пока поезд едет, в остальных вагонах никто ничего не подзаряжает, а в последнем вагоне люди подпитываются энергией, рискуя жизнью. Так и будем заряжать гаджеты на халяву — пока какой-нибудь чокнутый локомотив не ударит этому поезду в зад!

Английская культура езды в поезде страшно отличается от той, что мне близка и знакома: никто в вагоне — ни один человек — не ест! У леди напротив меня с собой бутылка воды «Эвиан» с персиковым вкусом за счет добавления химического ароматизатора и консервантов, сохраняющих

этот вкус миллион лет. Еще у нее термос с кофе. Аромат этого кофе перебивает даже больничный запах железнодорожных дезинфектантов, смешанный с убойной дозой «Шанели». Похоже, в вагоне ехала какая-то новая русская или там новая украинка.

Леди потягивает кофе и сразу же запивает его большим количеством персиковой воды. Вероятно — судя по ее уверенному виду — она считает, что употребляет здоровые и экологически чистые продукты. А меня охватывает неудержимое желание расстелить на столике вчерашнюю газету — фотографией лидера правящей партии вниз. А на газету выложить жареную курицу, пару свежих помидоров, малосольные огурчики, соль в коробке из-под спичек или даже прямо со спичками — как обычно делал мой дядя Костя. А еще зеленый лук и пару ломтиков сала. Может быть, тогда леди напротив без слов полезла бы в свой саквояж и дополнила бы эти яства пирожками с грибами, колбаской, нарезанной кусочками длиной с Дюймовочку, и парой тех продуктов, которые стыдливые девушки из романов Алексея Толстого называли «куриными фруктами» вкрутую...

Но я путешествую иначе, в соответствии с местными условиями. Мне вспоминается анекдот, как русский и поляк, сидя в поезде, может быть, по дороге в Сибирь, в рамках установления дружеских отношений сравнивают лингвистические достоинства языков своих народов:

- Как будет по-польски «хлеб»?
- Chleb, а как по-русски «mleko»?
- Молоко. А «небо»?
- Niebo! А как по-вашему «dura»?
- Dura — по-нашему «жопа».
- Жо-опа?.. Тоже красиво!

В общем я еду по-здешнему и слышу как моя экологичная леди взволнованно вздыхает:

- Какая прелесть!

Thank you for sharing — спасибо за банальность, как говорят в нынешнее время.

Я отрываюсь от экрана ноутбука и смотрю в направлении ее взгляда. Вижу застывший ряд холмов, типичных для нашего графства Дорсет. На вспаханных полосках земли, которые выглядят издали как черточки штрих-кода, вижу белые пятнышки овец. Пожалуйста вам: овцы на склонах холмов. «Ах, овцы пасутся, — читается в чуть накрашенных глазах леди, — а над ними бабочки летают!»

Ощущаю горький привкус во рту от этого вида. Он вызывает у меня отвращение и протест.

«Сбрей волосы, — хочется мне посоветовать леди напротив. — У тебя изумительная перхоть!»

Что это со мной? Из-за чего? Была, что ли, перхоть у этого Артура — неудавшегося насильника? Не помню. Не обратила внимания. Но тело говорит мне: «Да, это от него!». Я вспоминаю: он рассказывал мне в приемной у адвоката, как ловил рыбу на белых опарышей. Так что все правильно, эти овцы — напоминание именно о нем.

Как вернусь из Лондона, попрошусь в сауну к Марианне. Надену шерстяную шапочку, заберусь на верхнюю полку и вместе с потом выпарю из-под своей кожи всего этого Артура с потрохами. Все его жесты, гримасы, интонации, его голос, его скаल्प, просвечивающий из-под смазанных дорогим гелем волос мышинного цвета, его татуировки — гранатовая точка под левой бровью и индийский знак огня «Ом» на правом запястье. С потом выйдут семь месяцев, в течение которых моя жизнь была частью этого следствия и суда, этих допросов, очных и заочных ставок, отпечатков пальцев, ладоней, стоп, подошв; образцов слюны; сбора грязи из-под ногтей в пластиковые пакеты и кусочков, остриженных с этих же ногтей, в коробочки, похожие на те, в которых хранятся драгоценности, с надписью «Материал ДНК»; волос с головы и других частей тела; сотен страниц перевода показаний свидетелей и жертвы и уверток этого субъекта.

С потом выйдет и моя финансовая компенсация, ибо я заработала на всем этом столько, что мне хватило на очередные чудные туфельки на высоком каблуке, белые в черную крапинку (такие здесь называют polka-dot), и на тюбик самого дорогого крема против морщин, и на операцию маме в частной клинике по удалению катаракты на левом глазу.

Это будет завершение работы, ставшей для меня эмоциональным и профессиональным вызовом, с которым я успешно справилась, но который как-то деформировал, заразил и отравил меня.

Смотрю на овечек-бабочек, а вижу перхоть. Смотрю на борозды на поле, а вижу штрих-код на товарной этикетке «Земля — сезонная скидка». Я уже не справляюсь. Как переводчик, конечно. Впрочем, и как просто человек — тоже не очень.

Звоню Роберту и договариваюсь на вторник.

— Что за дело? Снова дети-жертвы? — спрашивает Роб.

Он помнит! Все мои старые случаи. Каждое мое слово!

— Попытка изнасилования. Взрослые.

— Слава богу! Буду ждать к шести.

Хоть он меня понимает. Поддерживает. Сочувствует. Не дает пасть духом. Советует. Предлагает и рекомендует.

Ну и что с того, что за тридцать фунтов в час? Разве же такое благожелательное понимание и поддержка не стоят всех денег на свете? Не знаю... И еще это «Слава богу!».

5. Ездил в Лондон повидаться с сыном. Правда, была там слишком мало, хотелось бы остаться еще на денек. Как всегда, на себя времени не хватило: уже была назначена эта чертова встреча в нашем полицейском участке по делу о наркотиках. Подозреваемый — Филип Яскульский. Его арестовали две недели назад, найдя у него три грамма белого порошка. Он заявил, что это, мол, для личного пользования, что хотел только попробовать, что это первый и последний раз, что больше никогда... Компьютерная система порыскала в своих недрах и подтвердила: действительно, первый случай. Поэтому мой клиент отделался порицанием — это такая внесудебная процедура, при которой подозреваемый заключает соглашение с полицией, признавая свою вину, а она отпускает его, не заводя дело. Обычно такое соглашение оформляется с ходу. Ты выражаешь сожаление (что полякам как два пальца об асфальт, если только жертва не еврей) и получаешь от сержанта расписку на память. Но только не в случаях с белым порошком. Тут обязательным является лабораторный анализ подозрительного вещества. И если, например, Филип посыплет голову пеплом из своей сигареты и поклянется, что никогда в жизни не прикоснется к этому чертовому кокаину, а из лаборатории придет бумага, что порошок оказался героином, то наша следующая встреча с Филипом будет уже в зале суда. Лапшу на уши можно вешать корешам, но не британской полиции. Хотя обычно это действительно кокаин.

Итак, в два часа являюсь в участок.

— Привет! Ты выучила китайский? — радостно встречает меня сержант Бойс. — У нас тут двое китайцев по делу о настенных часах. Месяц вкалывали на устричной ферме по пятнадцать часов в день. С первой полочки купили позолоченные часы и стали на них молиться. Правда не сошлись во мнении о содержании молитв, ну и крепко подрались. Похоже, их Бог наказал за эти часы!

— А что, у одного из них фамилия Яскульский?

— О господи! — вздыхает сержант. — Так ты ничего не знаешь?

— Ну, кое-что знаю...

— В пакетике у Яскульского была смесь стирального порошка и кулинарной соды... Нагрел его дилер! Или он хотел сыграть дилера, но мы подоспели. Так что прокуратура прекратила дело. Мы ему неделю назад отправили письмо. Прости, ради бога! Я забыл тебе сообщить, чтобы ты не приезжала.

— Ладно, нет проблем.

— Мы тебе заплатим, как положено.

— Ну хорошо.

— Правда, прости, я сваял дурака.

— Да нет проблем!

— Ну как же нет! Ты была в Лондоне у сына, вернулась раньше времени... Испортил я тебе выходные. Простишь меня?

— Ты мне мать спас!

— ?

— Я вчера вернулась, смотрю, а она лежит в постели белая как бумага. Пол весь липкий от крови, в ванной мокрая одежда... Она воспользовалась моим отсутствием и наплевала на диету: купила себе хлеба, пирожных, молока, творога, йогуртов и сыра. Устроила себе пир. За три часа до моего приезда у нее началось кровотечение... Не знаю, что бы было, если бы я в Лондоне еще на день осталась...

Меня уже давно перестало раздражать отсутствие стабильности в моей жизни. Как все идет, так пусть себе и идет. В этом хаосе мало кто делает что-то назло тебе. Никто не обладает совершенным знанием, как говорит варшавский знакомец — старый, умудренный жизнью адвокат Януш Рамон. Трудно охватить всю картину мира, в котором скрытого больше, чем явного. Такое у меня сейчас восприятие действительности. Благодаря работе. Я перемещаюсь в мир созерцания прямо из мира решений, выводов, результатов. Беру какое-нибудь событие в виде голых фактов, поворачиваю его так и сяк и смотрю: что было в нем хорошего (успела вызвать скорую, мама получила наглядный урок отношения к своей пищевой аллергии); что плохого (не успела насладиться Лондоном); что потеряла (воскресный билет на поезд такой дорогой, что в понедельник за те же деньги можно доехать до Парижа); что выиграла (была на работе пять минут, а заплатили мне минимум за три часа); что было нейтральным (погода); что было виртуальным (как обычно, моя сердечная боль — тоска по любимому); что осталось незамеченным (ох, много).

Мне снится, что я сижу на лугу. Бабочки справа, овечки слева, изумительной облачной белизны. Пастораль. Тут с растущей вблизи рябины — на фоне тихого брнчания балалайки — отрывается лист и медленно планирует в мою сторону. Не притягиваю его своим вниманием, но и не препятствую. Даже и не смотрю на него, но каким-то образом, глазами и разумом, угадываю весь его путь. Лист

тихонько падает рядом, будто решил полежать на этом лугу возле шотландского пледа. Во! Это же листовка с фотографией моего любимого... Господи, какой же он красивый. Эта горбинка на носу, эта седина на правой брови, этот стальной взгляд. Это мой образок. Оправить его в рамку и часами стоять перед ним на коленях в экстазе. Рамка обязательна, чтобы закрыть надпись сверху: «РАЗЫСКИВАЕТСЯ». Лист грустно спрашивает у меня: «Почему ему так важно, чтобы весь мир его разыскивал? Он что, себя уже совсем потерял? Надеется, что когда кто-то его отыщет, тогда и он сам себя найдет?» Что это за странное дерево с такими листьями, прямо не рябина, а какой-то следователь?

Просыпаюсь, не испытывая желания жить. Это единственное известное мне желание, которое можно узнать по его отсутствию. Когда его достаточно, чтобы жизнь продолжалась, она и идет себе дальше. Тогда ты живешь нормально. Сегодня не так. Знаю, что живу, ощущаю себя, но это знание и это ощущение ничем не соединены. Нет желания существовать таким образом, а другим не овладела. Ну и вот...

Я хочу умереть.

Я готова совершить самоубийство.

Слишком много знаю о самоубийствах, чтобы тянуть с этим. А то все может уйти в песок, и у меня на совести появится еще одно невыполненное решение.

Сейчас для этого хорошее время. Пытаюсь вспомнить какую-нибудь свою боль или проблему. Что бы у себя такое найти? Ношу в себе вирус герпеса. Пару раз в год он вылезает на губе. Не знаю, известно ли вам, что его называют еще вирусом меланхолии, и хотя мы, герпесники, реже заболеваем раком и СПИДом, однако чаще совершаем самоубийства. Этот страшный вирус, так же как СПИД или какая-нибудь другая подобная зараза, гнездится в иммунной системе. Поэтому, когда малярия или там рак пытаются туда пролезть, то слышат: «Извините, занято!». Ко мне этот вирус, наверное, попал из-за немытых рук и общего отсутствия гигиены. У моей матери он тоже есть. Она меня и заразила. Не зная того. Зато у моего сына его нет. Потому что я все знала и берегла его. У мамы был бзик на почве уборки, она заставляла нас с сестрой каждый день мыть полы; один день мыла сестра, один — я. Так мы и выросли с этим вирусом под постоянным принуждением к мытью и скоблению полов. У меня сейчас послеуборочная травма, которая проявляется в форме

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru